DOI: 10.31857/S0130386424060118

© 2024 г. П.П. ЧЕРКАСОВ

ПАДЕНИЕ АДЛЬФА ТЬЕРА 24 МАЯ 1873 года (по документам российского посольства в Париже)

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Аннотация. В статье исследованы причины и обстоятельства падения Адольфа Тьера, первого президента третьей по счету Французской республики. Этот пост он занимал с 31 августа 1871 г. до 24 мая 1873 г., когда был отправлен в отставку. Хотя период президентства Тьера был совсем коротким (неполные два года), он имел большое значение для утверждения республиканского строя во Франции. Во многом это была личная заслуга президента Тьера, который публично высказался в пользу республики, за что и лишился поста главы государства. Причины отстранения его от власти достаточно хорошо изучены в историографии. В данном исследовании автор привлек новые источники, дополняющие известную картину. Речь идет о конфиденциальной дипломатической корреспонденции российского посольства в Париже. Значение этого источника определяется тем обстоятельством, что посол России во Франции князь Н.А. Орлов и советник посольства Г.Н. Окунев имели прямой контакт с А. Тьером, пользовались его доверием и были хорошо осведомлены о планах и намерениях президента республики. Они часто встречались с ним и его министрами, присутствовали на заседаниях Национального собрания и имели возможность со знанием дела анализировать происходивший во Франции политический процесс становления республиканского строя. По этой причине их оценки и суждения представляют несомненный интерес для историка, тем более что долгое время депеши и аналитические записки, составлявшиеся в российском посольстве в Париже для императора Александра II и канцлера А.М. Горчакова, не привлекали должного внимания исследователей.

Ключевые слова: Франция, Национальное собрание, дипломатия, дипломаты, Россия, А. Тьер, П. де Мак-Магон, Н.А. Орлов, Г.Н. Окунев, политическая борьба, дипломатические документы.

P.P. Cherkasov

The Fall of Adolphe Thiers on 24 May 1873: Documentary Evidence from the Russian Embassy in Paris

Peter Cherkasov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Abstract. In this article, the author analyses the causes and circumstances of the downfall of Adolphe Thiers, the first President of the Third French Republic. He held the office from 31 August 1871 until 24 May 1873, when he was compelled to resign. Although Thiers' tenure as president was relatively brief, encompassing less than two years, it was of significant consequence in the establishment of the republican system in France. In many ways, this was the personal merit of

President Thiers, who publicly espoused the cause of the republic, for which he was compelled to relinquish his post as head of state. The reasons for Thiers' downfall have been the subject of considerable historical analysis. In this study, the author draws upon hitherto overlooked sources, thereby offering a more nuanced and comprehensive understanding of an already well-researched topic. The focus of this inquiry is confidential diplomatic communications from the Russian Embassy in Paris. This source is significant in that it demonstrates that both the Russian ambassador to France, Prince Nikolay Orlov, and the embassy counsellor Grigory Okunev had direct contact with Thiers, enjoyed his confidence, and were well aware of the plans and intentions of the President of the Republic. They frequently met with him and his ministers, attended meetings of the National Assembly, and were thus able to gain a comprehensive understanding of the political process that gave rise to the republican system in France. It can be argued that their assessments and judgments are of significant interest to the historian. This is particularly true when considering the dispatches and analytical notes compiled at the Russian embassy in Paris for Emperor Alexander II by Chancellor Gorchakov. These documents have not attracted the appropriate level of attention from researchers for a considerable period of time and therefore represent a valuable and underutilised resource for historical research.

Keywords: France, National Assembly, diplomacy, diplomats, Russia, Adolphe Thiers, Patrice de Mac-Mahon, Nikolay Orlov, Grigory Okunev, political struggle, diplomatic documents.

Крушение Второй империи в сентябре 1870 г. и последовавшие за этим социальные потрясения во Франции, происходившие на фоне незавершенной франко-германской войны, вынесли Адольфа Тьера как самого авторитетного тогда французского политика на вершину власти. 15 февраля 1871 г. Национальное собрание избрало его «главой исполнительной власти», а 31 августа того же года — президентом Французской республики. На этих двух постах Тьеру удалось добиться прекращения войны с Германией и договориться с Бисмарком о досрочной эвакуации немецких оккупационных войск, за что его называли «Спасителем Франции» и «Освободителем территории». Одновременно среди левых республиканцев он получил прозвище «палач Коммуны» за кровавую расправу с восставшим Парижем в мае 1871 г.¹

Изначально предполагалось, что президентство Тьера продлится до того момента, когда новая Конституция — работа над ее подготовкой шла трудно и потому неспешно — окончательно определит государственный строй Франции и создаст соответствующие институты власти. Однако развитие событий привело к его досрочному отстранению с поста президента республики (24 мая 1873 г.).

На основе дипломатической документации российского посольства в Париже за 1872—1873 гг. автор попытался уточнить причины и обстоятельства крушения карьеры А. Тьера. Делегации и записки посла России в Париже князя Н.А. Орлова и советника посольства Г.Н. Окунева с анализом внутривластной обстановки, предшествовавшей и сопровождавшей падение Тьера, представляют особый интерес для историков Третьей республики², учитывая тесное личное общение их составителей с президентом А. Тьером.

* * *

Важно отметить, что власть главы государства в Третьей республике с момента ее рождения была существенно ограничена избранным в 1871 г. Национальным собранием, которое контролировалось разнородным монархическим большинством — орлеанистами, легитимистами

¹ О роли Тьера в создании Третьей республики см.: *Черкасов П.П.* Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года — май 1871 года) // Новая и новейшая история. 2023. № 6. С. 77—94. DOI: 10.31857/S013038640028926-6

² Первая республика во Франции была установлена в 1792 г. Она продержалась до 1804 г., когда на смену ей пришла Первая бонапартистская империя. Вторая республика возникла в результате революции 1848 г. и просуществовала до конца 1851 г., когда в стране был установлен режим Второй империи. Третья республика во Франции была спонтанно провозглашена 4 сентября 1870 г., а конституционно она оформилась только в 1875 г.

и бонапартистами. 214 депутатов (из 645)³ составляли орлеанисты, сторонники свергнутой в июле 1848 г. либеральной Июльской монархии; 180 депутатов-легитимистов, представляли интересы старшей ветви Бурбонов, окончательно утративших власть в 1830 г., а 20 депутатов-бонапартистов мечтали о восстановлении Второй империи. Республиканцы, располагавшие 150 депутатскими мандатами, не могли всерьез влиять на принимаемые собранием решения.

В этом смысле тогдашняя Французская республика, управляемая монархически настроенным Национальным собранием, являла собой очевидный исторический парадокс. Немедленной реставрации монархии после подавления Парижской коммуны и заключения мира с Германией мешало одно важное обстоятельство — глубокие разногласия между монархистами по ее модели и кандидатуре будущего монарха. Орлеанисты надеялись на восстановление конституционной Июльской монархии во главе с графом Парижским, внуком Луи-Филиппа. Легитимисты настаивали на возвращении к дореволюционному Старому порядку, а будущим королем называли графа де Шамбора, внука Карла X. Бонапартисты сохраняли верность низложенному Наполеону III и его наследнику.

В этом раскладе не определяющая, но все же значительная роль принадлежала президенту республики Тьеру, считавшемуся одним из вождей орлеанистской партии. Перед лицом республиканской оппозиции монархисты всех трех течений сошлись на кандидатуре Тьера-президента как на компромиссной фигуре до принятия новой Конституции, которая определит форму государственного устройства Франции. Этот компромисс стал возможен благодаря его прежней репутации монархиста, пусть и либерального. К тому же именно А. Тьер сумел подавить Коммуну и именно с ним, и только с ним, соглашался иметь дело победитель в войне «железный канцлер» О. фон Бисмарк. Последнее обстоятельство имело тогда большое значение.

С самого начала деятельность Тьера на посту главы государства проходила на фоне развернувшейся в Национальном собрании ожесточенной борьбы между республиканцами и монархистами. Пока шли эти споры, старый орлеанист Тьер представлялся противникам республики единственно приемлемой для них компромиссной фигурой.

Сам же Тьер, сумевший извлечь уроки из потрясений Парижской коммуны, в конечном счете пришел к выводу о необходимости сохранения республики, по крайней мере до окончательной стабилизации положения в стране⁴. О своем республиканском выборе старый орлеанист публично заявил в Национальном собрании еще в декабре 1871 г., вызвав бурю возмущения у монархистов. Летом 1872 г. противники республики попытались отстранить Тьера от власти, но потерпели неудачу из-за острых разногласий между орлеанистами и легитимистами. Вторая попытка была предпринята ими на осенней парламентской сессии. К тому времени двум соперничавшим монархическим фракциям удалось несколько сгладить разделявшие их противоречия.

«Момент истины» настал 13 ноября 1872 г., когда после летних каникул Национальное собрание возобновило работу. Прибывший на пленарное заседание президент Тьер выступил с полуторачасовой речью, в ней он обосновал легитимность существующего республиканского режима, которому, по его убеждению, нет приемлемой альтернативы. «Республика существует, она является законным правительством страны: желать чего-то другого, означало бы вызвать новую революцию, самую ужасную из всех, какие только можно представить, — заявил Тьер. — Давайте не будем тратить время на его (республиканского режима. — П. Ч.) провозглашение, а используем это время на то, чтобы определить его желательные и необходимые характеристики...»

³ Выборы в Национальное собрание в феврале 1871 г. проводились в условиях незавершенной войны, когда значительная часть территории Франции оставалась под немецкой оккупацией. Поэтому 645 депутатов представляли только департаменты, находившиеся в феврале 1871 г. под французским национальным суверенитетом. С окончанием войны и выводом оккупационных войск на освобожденных территориях будут проводиться дополнительные выборы, что постепенно расширит состав Национального собрания к середине 1873 г. до 700 с лишним депутатов.

⁴ См.: Черкасов П. П. «Республика господина Тьера» в оценках русских дипломатов (август 1871 — октябрь 1872 года) // Новая и новейшая история. 2024. № 3. С. 78–94. DOI: 10.31857/S0130386424030079

Республика будет консервативной, или ее не будет вообще»⁵.

Выступление президента республики сопровождалось живой, временами даже бурной реакцией зала. Слева и из левого центра раздавались одобрительные возгласы, справа – крики: «Мы не хотим республики!» Было ясно, что Франция скатывается в глубокий правительственный кризис. Именно так оценил парламентское заседание 13 ноября Н.А. Орлов: «Вчера я присутствовал на заслушивании обращения господина Тьера. Заседание было очень бурным. Со стороны левых оно сопровождалось неистовыми аплодисментами. Что касается правых, то они поначалу сохраняли ледяное спокойствие, потом с их стороны послышались неодобрительные возгласы и даже гул. Не думаю, что г-н Тьер ожидал такого результата. Он полагал, что убедит левых, говоря об “окончательной республике”, и одновременно сплотит правых, называя их борцами за порядок. Эта система парламентских качелей не принесла успеха президенту... она глубоко оскорбила чувства парламентского большинства. Поэтому сопротивление вспыхнуло в ожесточенной форме, и мы впервые увидели, как легитимисты сговорились со сторонниками младшей ветви [Бурбонов].

Господин Тьер казался ошеломленным. Его огромный талант, вероятно, подскажет ему какие-то средства для умирения поднятой им бури, но один факт остается несомненным. Начинается открытая борьба между республиканским принципом и принципом монархии двух ветвей.

Наполеон III в 1870 году помог объединению Германии, напав на Пруссию. Господин Тьер в 1872 году, вероятно, поспособствовал слиянию легитимистов и орлеанистов⁶.

Что касается содержания самого послания, то в нем нет ничего, что могло бы не понравиться Европе. Господин Тьер объявляет себя сторонником мира за пределами Франции и приверженцем порядка внутри страны. Иностранные державы не могут требовать от него большего. Что касается французов, то для них ситуация совершенно иная, и я считаю, что открывшаяся [парламентская] сессия будет сопряжена со всякого рода трудностями»⁷.

Орлов не ошибся в своем прогнозе относительно неминуемого обострения правительственного кризиса. Выступление Тьера привело к консолидации разобщенного до того момента монархического большинства в Национальном собрании. Теперь уже не только легитимисты, но и орлеанисты развернули борьбу за отстранение Тьера от власти и последующую ликвидацию республиканского строя. Борьба монархистов против республики вступала в новую фазу.

Последующие заседания Национального собрания проходили под знаком открытого противоборства парламентского большинства и президента республики, которого монархисты считали предателем, нарушившим «пакт Бордо»⁸. Все предложения Тьера по совершенствованию существующего политического режима с ходу отвергались монархистами, желавшими сохранить контроль над исполнительной властью.

Тьеру не оставалось ничего другого, как вновь прибегнуть к испытанному средству – угрозе отставки. Он рассчитывал, что монархисты пока еще не успели прийти к согласию относительно его преемника на посту президента, а республиканцы угрожали развязыванием гражданской войны в случае покушения на республику.

18 ноября Тьер вновь явился в парламент, где монархисты встретили его неодобрительным шумом. Тем не менее президент сумел произнести речь, в которой высказал все претензии к своим политическим недругам, завершая выступление, потребовал немедленного голосования о доверии правительству.

⁵ Duclert V. La République imaginée. 1870–1914. Paris, 2014. P. 103.

⁶ В этом месте на полях Александр II сделал пометку по-французски: «ce serait mieux» (это было бы лучше).

⁷ Орлов – Вестману, 14 ноября 1872 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 284–285 об. (все даты даются по новому стилю).

⁸ 12 марта 1871 г. республиканская и три монархические фракции Национального собрания, заседавшего в Бордо, достигли договоренности, что вопрос будущего государственного устройства Франции откладывается до принятия новой Конституции. Это соглашение получило название «пакт Бордо». См.: Duclert V. Op. cit. P. 105.

Присутствовавший на заседании 18 ноября Орлов сообщал в Петербург: «Политическая ситуация на данный момент очень трудно разрешима. Послание г-на Тьера вызвало бесчисленные осложнения. Если бы президент ограничился описанием общего положения в стране и если бы он апеллировал к патриотизму Собрания, рекомендуя ему поставить интересы Франции выше интересов сторон, никакой раздражающей дискуссии не произошло бы и г-н Тьер мог бы спокойно продолжить свою реформаторскую миссию»⁹.

Президент, по убеждению Орлова, совершил ошибку, пойдя на конфронтацию с парламентским большинством, и в результате окончательно утратил поддержку орлеанистов — самой многочисленной фракции большинства. Более того, он невольно способствовал более тесному сближению орлеанистов с легитимистами.

Хотя Тьер уже неоднократно прибегал к угрозе отставки, к чему, казалось бы, все успели привыкнуть, в этот раз его требование о вотуме доверия застало разгоряченных депутатов врасплох. Они еще не успели окончательно определиться. На это, видимо, и рассчитывал искусственный в политических играх Тьер.

Его расчет оказался верным, хотя и не оправдался в полной мере. 267 депутатов выразили доверие правительству Тьера, 116 проголосовали за его отставку. Но что всерьез обеспокоило президента, так это небывалое большое число воздержавшихся — около 300 депутатов¹⁰.

По свидетельству Орлова, Тьер был крайне раздосадован результатами голосования. В течение трех последующих дней он не собирал совет министров, обдумывая дальнейшую тактику. В конечном счете, президент решил не идти на дальнейшее обострение конфликта с собранием, тем более перед лицом угроз левых радикалов развязать гражданскую войну. «Единовременная надежда избежать этого (гражданской войны. — П. Ч.) состоит в том, что г-н Тьер в очередной раз найдет способ успокоить партию... — отмечал русский посол. — Я на это надеюсь, хотя и не слишком на это рассчитываю... В любом случае президент выйдет ослабленным из этого кризиса, который он сам же вызвал своим неосмотрительным обращением (к парламенту. — П. Ч.)»¹¹.

Посол оказался прав. Тьер не стал обострять конфликт перед лицом сплотившегося монархического большинства. В его последующей тактике прослеживается желание если и не примириться со своими противниками, то найти какой-то компромисс. Но правые в этот раз демонстрировали непреклонность. По признанию легитимиста Шенелона, между президентом и монархическим большинством собрания разгоралась «тяжелая скрытая вражда, которую уже не могла примирить никакая попытка соглашения»¹².

Монархисты решительно отвергли конституционные намерения Тьера, в частности идею создания второй верхней палаты парламента. Они сформировали так называемую «Комиссию 30-ти», которая призвана была жестко контролировать все принимаемые президентом решения еще на стадии их подготовки. Комиссия начала разработку законопроекта, лишавшего президента права личного участия в парламентских прениях и возможности напрямую обращаться к депутатам. За ним оставлялась лишь возможность письменных посланий к Национальному собранию. Ограничительный в отношении президента закон будет принят 30 марта 1873 г.

Тем временем 29 ноября 1872 г. разыгрался второй акт политической драмы. В этот день Тьер выступил в собрании с примирительной речью, в которой снял ряд своих предыдущих требований и предложений. Он заявил даже, что никогда не был противником монархии, что подтверждается всей его жизнью, но что он не видит никакой возможности реализовать в современной Франции монархический проект без риска вызвать в стране гражданскую войну.

На состоявшемся вслед за его выступлением голосовании, правительство получило поддержку 370 голосами против 334. «Таким образом, — прокомментировал проведенное голосование

⁹ Орлов — Горчакову, 22 ноября 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 295—295 об.

¹⁰ Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1985. С. 122.

¹¹ Орлов — Горчакову, 22 ноября 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 298—298 об.

¹² David R. La Troisième République. Soixante ans de politique et d'histoire. Paris, 1934. P. 4.

Орлов в депеше Горчакову, — президента республики удержали у власти всего 34 голоса. Об окончательном решении г-на Тьера (оставаться ли ему у власти. — *П. Ч.*) я узнаю только завтра вечером. Если он решит остаться, то будет постоянно подвергаться нападкам со стороны 334 депутатов, которые желают свергнуть его. Если же он уйдет в отставку, то неизбежна гражданская война. Орлеанисты и легитимисты объединились против него. Левые молчат на депутатских скамьях, но продолжают действовать за стенами [парламента]. Бонапартисты ликуют. Видите, князь, ситуация здесь очень напряженная и далеко не обнадеживающая»¹³.

Прямым последствием с трудом полученного 29 ноября вотума доверия стала частичная реорганизация правительства. По требованию монархистов, Тьер отправил в отставку министра внутренних дел республиканца В. Лефрана¹⁴ и назначил на его место орлеаниста Э. де Гуляра. Министерство финансов возглавил Л. Сей, префект департамента Сена, а О. Барди де Фургу, близкий к бонапартистам консерватор, был поставлен во главе министерства общественных работ. В целом реорганизованное правительство Тьера заметно поправело. Под давлением монархистов оно запретило инициированный левыми республиканцами сбор подписей за роспуск Национального собрания и принял ряд других мер в угоду парламентскому большинству.

Что касается объединившихся противников Тьера, то они взяли паузу в ожидании окончательного вывода немецких оккупационных войск с территории Франции. Легитимисты и орлеанисты отдавали себе отчет в том, что Бисмарк желает вести переговоры по этому вопросу только с Тьером и ни с кем другим. Именно по этой причине монархисты и вынуждены были повременить с его отрешением от власти, хотя его судьба ими уже была предreshена.

1872 г. завершался в атмосфере обманчивого политического затишья, наступившего после осеннего обострения. Расстановку политических сил во Франции к началу 1873 г. Орлов обрисовал в записке, адресованной Горчакову¹⁵.

Первое, на что обратил внимание русский посол, — активизация радикальной партии в низших слоях общества, причем не только в городах, где левые с давних пор пользовались большим влиянием, но и в сельской местности среди крестьян, где они начали распространять свои дешевые (всего за один су) печатные издания. «Интеллектуальная и нравственная гангрена, возникшая еще во времена Империи, распространилась и на сельское население, где социалистические и якобинские теории, а также заповеди Интернационала, находят сегодня множество последователей, — констатировал Орлов. — До сих пор крестьяне в большинстве голосовали за кандидатов, которых они считали друзьями правительства. Сегодня же мы видим, что крестьянство начинает отдавать голоса наиболее радикально настроенным кандидатам. В условиях существующей системы всеобщего избирательного права это один из самых тревожных симптомов».

Распространение среди сельского населения влияния радикальных республиканцев вызвало у князя Орлова тем большее беспокойство, что «расколотая своими политическими предпочтениями благородная аристократия, а также духовенство теряют влияние в массе земельных собственников, которые традиционно опираются на сельский элемент, определяющий лицо Палаты [депутатов] в 1849 году и до сих пор составляющий большинство в Национальном собрании. По мнению самых беспристрастных наблюдателей, никто (из депутатов от сельских округов. — *П. Ч.*) не уверен в своем переизбрании после роспуска нынешней Палаты».

Еще хуже обстоит дело с духовенством, всегда считавшимся важнейшей опорой консервативной власти. «Сегодня его влияние полностью утрачено — даже на юге и западе страны», — подчеркнул русский посол.

Подъем радикализма и ослабление консервативных сил сочетается с очевидной апатией французской буржуазии, что делает будущее Франции еще более неопределенным,

¹³ Орлов — Горчакову, 30 ноября 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 307 об. — 308.

¹⁴ Эта замена была тем более символична, что, начиная с 10 февраля 1871 г., министерство внутренних дел всегда находилось под контролем «проверенных республиканцев» (*républicains avérés*) — Э. Пикара, Ламбрехта, Казимира-Перье и В. Лефрана. См.: *Hanotaux G. Le Gouvernement de M. Thiers. 1870—1873. Nouv. éd. T. II. Paris, 1925. P. 209.*

¹⁵ Орлов — Горчакову, 7 января 1873 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 90. Л. 14—17.

констатировал князь Орлов. «Буржуазия и в целом более или менее обеспеченные средние классы, по большей части проявляют безразличие, — докладывал он в Петербург. — Не имея предпочтений в отношении какой-либо государственной системы, они хотят прежде всего порядка, спокойствия и безопасности, которые позволят им заниматься своим делом и продолжать обогащаться. Сегодня они принимают Республику, как вчера они принимали Империю; точно также они примут любое правительство, которое обеспечит им материальное процветание». У французской буржуазии, как крупной, так и средней, нет ни религиозных принципов, ни политических убеждений, констатировал русский дипломат. Именно по этой причине буржуа так не любят какую-либо агитацию, способную нарушить их спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

Данное обстоятельство, по мнению Орлова, дает Тьеру определенные шансы остаться у власти, если он сумеет найти компромисс со своими непримиримыми противниками. «Легко понять, насколько такое состояние умов придает большую силу правительству г-на Тьера, — резюмировал князь Орлов. — Президент олицетворяет статус-кво и поддерживает порядок; как таковой, его поддерживают средние классы, опасющиеся нового, неизвестного правительства; он является защитником республиканской формы, и как таковой — принят радикальной партией».

Но проблема заключалась в том, что «радикальная партия», т.е. республиканцы, составляла меньшинство в Национальном собрании, а судьба Тьера и его правительства по действовавшему законодательству находилась в руках монархического большинства, где к концу 1872 г. пришли к решению избавиться от главы государства, превратившегося в республиканца.

Затишье, наступившее после завершения осенней сессии Национального собрания, неожиданно было нарушено известием о смерти бывшего императора Наполеона III 9 января 1873 г. в Числхёрсте (графство Кент, Англия), где после крушения Второй империи нашло убежище императорское семейство.

Окунев, замещавший уехавшего из Парижа на несколько дней Орлова, докладывал Горчакову о реакции во Франции на смерть низложенного императора: «Большинством населения новость о смерти императора Наполеона была встречена с безразличием. Зато она ввергла в уныние бонапартистскую партию, которая рассчитывала на Наполеона III в том, чтобы в более или менее ближайшем будущем восстановить Империю... Именно поэтому смерть Наполеона нанесла Империалистам¹⁶ серьезный удар. В то же время это дало дополнительную гарантию безопасности нынешнего режима. Правительство г-на Тьера должно было поздравить себя с этим событием в соответствии с теми опасениям, которые внушал ему бонапартизм в настоящем и будущем. Его реакция... была взвешенной и уместной. Президент разрешил маршалам и офицерам бывшего военного штаба императора отправиться [в Англию], чтобы принять участие в его похоронах. Но лишь очень немногие воспользовались этим разрешением. Он (Тьер. — П. Ч.) посчитал, что обязан отказать в подобном разрешении генералам и офицерам, находящимся на действительной военной службе. Одновременно решено предотвратить всякую политическую демонстрацию, которая могла бы произойти по случаю смерти Императора»¹⁷.

Некоторые преимущества для Тьера, проистекавшие из смерти вождя бонапартистов, не могли, конечно, гарантировать устойчивость его власти, так как даже без учета голосов «империалистов» (что было практически невероятно) орлеанисты и легитимисты, составлявшие большинство в Национальном собрании, легко могли отказать в доверии президенту и его правительству.

Положение 75-летнего Тьера в феврале 1873 г. осложнилось из-за внезапного ухудшения его здоровья. У главы государства обострилась застарелая болезнь желудка, сопровождаемая кровотечениями. Накануне решающей схватки за сохранение власти он оказался прикован к постели.

Тем временем вернувшийся в Париж князь Орлов, понимая всю серьезность ситуации, счел необходимым отправить Горчакову записку с говорящим названием: «Господин Тьер

¹⁶ «Империалистами» (Impérialistes) после 1870 г. во Франции называли бонапартистов, сторонников восстановления Второй империи.

¹⁷ Окунев — Горчакову, 16 января 1873 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 90. Л. 22—24 об.

и состояние его здоровья»¹⁸. В записке Орлов сообщает об озабоченности престарелого Тьера не только (и не столько) даже продлением собственной жизни, сколько судьбой своего исторического замысла (*Grand dessein*) – утверждения во Франции «консервативной республики» (*République conservatrice*).

Тьера, писал русский дипломат, не может не беспокоить судьба Франции после его ухода. Одним из важнейших инструментов обеспечения стабильности и преемственности власти, наряду с созданием двухпалатного парламента, Тьер, как полагал Орлов, теперь считает учреждение поста вице-президента Французской республики, против чего прежде он всегда возражал. «Господин Тьер раньше никогда не желал даже слышать о назначении вице-президента, несмотря на мнение Собрания и разговоры об этом в салонах Версаля и Парижа. Это продолжалось до тех пор, пока недавнее недомогание президента Республики не показало обоснованность данного предложения на случай непредвиденного несчастья такого рода. Я твердо убежден, что внезапная смерть г-на Тьера, случись она... никоим образом не изменила бы основы общего положения вещей! Республика не утратит способности сформировать новую исполнительную власть в составе трех или более лиц – как гражданских, так и военных. Ничто в этой стране не меняется столь быстро, как правительство», – не без сарказма резюмировал русский дипломат¹⁹.

Тревожные ожидания развеялись к середине марта, когда Тьер сумел оправиться от недуга и вернулся к исполнению своих обязанностей. За время его болезни «Комиссия 30-ти» завершила свою работу и представила в собрание законопроект, запрещавший президенту лично участвовать в работе парламента и тем самым влиять на принимаемые депутатами решения. Лишь в исключительных случаях глава государства мог обратиться к Национальному собранию, причем только на особом заседании, не предусматривавшем прения.

13 марта 1873 г. собрание большинством голосов (407 «за», 225 «против») приняло закон, лишивший Тьера важнейшего инструмента влияния (давления) на законодательную власть²⁰.

Спустя два дня, 15 марта, в результате изнурительных для обеих сторон переговоров была подписана франко-германская конвенция о досрочном выводе оккупационных войск с территории Франции. Это соглашение тяжело далось Тьеру, которому пришлось преодолеть не только упорство Бисмарка, но и сопротивление собственных «патриотов», своими призывами к реваншу провоцировавших немцев на продолжение оккупации. Тем не менее президенту республики удалось преодолеть оба этих препятствия. Бисмарк согласился до конца лета вывести последние немецкие части с территории Франции.

Казалось бы, Тьер имел все основания ожидать благодарности со стороны соотечественников. Но его судьба находилась в руках монархического большинства Национального собрания. Для монархистов всех оттенков заключение франко-германской конвенции стало сигналом к подготовке отрешения Тьера от власти. Мавр сделал свое дело...

17 марта монархическое большинство отправило в отставку председателя Национального собрания, умеренного республиканца Ж. Греви, поддерживавшего А. Тьера, и избрало на его место орлеаниста Л. Бюффе. Правда, Дюфор, давний соратник Тьера со времен Июльской монархии, сохранил пост «вице-председателя совета министров»²¹.

Очередная, ставшая для Тьера роковой, вспышка его конфликта с парламентским большинством разгорелась в конце апреля 1873 г. в связи с дополнительными выборами в собрание, проходившими в восьми департаментах. Особое значение приобретали выборы в Париже (департамент Сена), где в противоборстве сошлись Ш. де Ремюза, друг и давний сподвижник А. Тьера, левый радикал Д. Бароде, бывший школьный учитель, затем мэр революционного Лиона, и полковник Стоффель, совместный кандидат от бонапартистов и легитимистов. Убедительную победу в столице одержал Бароде (180 тыс. голосов). Считавшийся фаворитом

¹⁸ Орлов – Горчакову, 8 марта 1873 г. *M. Thiers et son état de santé* // Там же. Д. 92. Л. 228–232 об.

¹⁹ Там же. Л. 232–232 об.

²⁰ *Notaux G.* *Op. cit.* P. 243–244.

²¹ Главой правительства официально считался сам президент республики А. Тьер, а Л. Дюфор с февраля 1871 г. был его бессменным заместителем, вице-премьером.

Ремюза получил 135 тыс. голосов, а Стоффель — всего 26,6 тыс.²² Как только стали известны результаты голосования, Париж огласили крики: *Vive la République!*

Республиканские кандидаты победили и в подавляющем большинстве департаментов, где состоялись выборы. Правда, этот успех имел скорее моральное значение, так как появление нескольких депутатов-республиканцев не меняло расклада сил в Национальном собрании, где по-прежнему тон задавали монархисты. Тем не менее победа Бароде в Париже крайне обеспокоила правых, потребовавших от Тьера включения в правительство нескольких министров-монархистов.

Поражение Ремюза в Париже было воспринято многими и как личное поражение Тьера. В их числе был и князь Орлов. «Провал списан на господина Тьера, — докладывал посол в Петербург. — Он (Тьер. — П. Ч.) мечтал о прочном союзе парижского населения и Консервативной республики. Он считал, что завоевал симпатии парижского народа, а оказался перед лицом торжествующей демократии. Вчера вечером я был в Елисейском дворце, когда пришло окончательное известие об избрании г-на Бароде. Президент оставался бесстрастным и ограничился заявлением, что «Ассамблея, упразднив пост мэра Лиона, обеспечила успех красному кандидату в Париже». Но окружение г-на Тьера не смогло скрыть своей тревоги. Лица всех присутствовавших выражали озабоченность, а встреча выглядела очень мрачной. В городе сохранялось спокойствие, и меры предосторожности, принятые правительством, оказались излишними. Но моральное смятение велико, а будущее становится более неопределенным, чем когда-либо»²³.

В последующих донесениях Орлов продолжал анализировать последствия победы республиканца Бароде в Париже. «Избрание г-на Бароде вызвало всеобщие опасения и гнев консервативной партии, — писал посол. — Постоянная комиссия («Комиссия 30-ти». — П. Ч.), большинство в которой составляют роялисты, на мгновение задумалась даже об экстренном созыве Собрания, но не сделала этого в надежде, что г-на Тьера еще удастся вернуть в консервативную фракцию»²⁴.

Ради этого, сообщал посол, кое-кто из правых предлагал даже учредить пожизненное президентство Тьера, продлив на неопределенный период временный (до принятия Конституции) режим или, на худой конец, сформировать «гомогенное», т.е. однородно монархическое, правительство из числа депутатов-монархистов.

Однако все эти предложения не получили одобрения правого большинства, продолжавшего настаивать на уходе Тьера, который, со своей стороны, не видел серьезной угрозы для стабильности от избрания Бароде, а победу радикала, по свидетельству Орлова, президент объяснял «протестом [парижан] против попыток монархистов из Собрания не допустить утверждения Консервативной республики»²⁵.

«Г-н Тьер уверен, что способен усмирить беспорядки. Но если он не боится радикалов, то со всей очевидностью опасается раскола среди консерваторов, соперничающих на одном монархическом поле, где сражаются три партии (орлеанисты, легитимисты и бонапартисты. — П. Ч.), а их лидеры способны спровоцировать гражданскую войну, дробя свои силы. Вот почему г-н Тьер остается верным своей программе Консервативной республики. Но у медали есть и оборотная сторона. У консерваторов, возможно, не хватит сил основать монархию, но у них хватит сил, чтобы свергнуть Тьера», — заключил прозорливый русский посол²⁶.

После довыборов в Национальное собрание, результаты которых обеспокоили монархистов, они усилили давление на Тьера, выдвигая все новые требования. В середине мая произошла очередная реорганизация правительства, из него ушли Ж. Симон и Э. де Гуляр. Монархисты активизировали поиски приемлемого для трех их фракций кандидата на пост нового главы государства вместо Тьера, последний вовсе не помышлял об уходе. Он был

²² *Hanotaux G. Op. cit. P. 264.*

²³ Орлов — Горчакову, 28 апреля 1873 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 90. Л. 85—85 об.

²⁴ Орлов — Горчакову, 6 мая 1873 г. // Там же. Л. 90.

²⁵ Там же. Л. 90 об.

²⁶ Там же. Л. 91 об.—92.

убежден, что его не тронут, во всяком случае до завершения полной эвакуации германских войск, т.е. до конца лета 1873 г. Ведь именно он добился освобождения национальной территории. И именно он в глазах Бисмарка был гарантом выполнения Францией условий Франкфуртского мира и недопущения реванша, о котором откровенно мечтали Л. Гамбетта и его единомышленники — левые республиканцы.

Орлов, со своей стороны, тоже не исключал возможности удержания Тьером власти хотя бы до завершения немецкой оккупации и окончания летней сессии Национального собрания, а быть может, даже и до выборов нового собрания. «Эти два громоздких способа способны сохранить за ним место до созыва будущего Учредительного собрания», — полагал Орлов²⁷.

Существовал и второй вариант развития событий, который русский дипломат считал совершенно утопичным. Этот вариант предполагал, что даже в случае вынужденной отставки Тьера затем попросят вернуться, поскольку он считается незаменимым. «К сожалению, — писал Орлов, — президента Республики и его окружение убаюкивает иллюзия, что, спустя лишь несколько дней после его ожидаемого падения, г-н Тьер будет возвращен в правительство. Но так не будет. Консерваторы способны дойти до крайностей. У них будет либо король, либо император. В противном случае им придется уступить место красным, что мне представляется маловероятным»²⁸.

Развязка наступила 24 мая 1873 г., когда Тьер не без труда, но все же получил согласие председателя Национального собрания Бюффе на прямое обращение к депутатам.

Его появление на парламентской трибуне некоторые депутаты встретили возгласами: «Нарушен закон!», «Вы не можете здесь выступать!» Тем не менее глава государства сумел заставить враждебно настроенных парламентариев выслушать его речь, продолжавшуюся почти два часа. Представив депутатам свое видение положения Франции после окончания войны с Германией и не забыв при этом отметить собственную роль в восстановлении страны, Тьер четко обозначил выбор, перед которым оказалась страна: быть ей республикой или монархией? «Будем откровенны, — заявил он, завершая выступление, — вопрос, который нас разделяет, это вопрос о монархии или республике. Что касается меня, то я уже сделал свой выбор... И причина, побудившая меня, старого сторонника монархии, сделать этот выбор, помимо понимания общего направления развития, по которому идет цивилизованный мир, состоит в том, что сегодня... монархия абсолютно невозможна»²⁹.

По завершении выступления главы государства председательствующий на заседании Бюффе объявил перерыв. Тьер высказал председателю Национального собрания желание присутствовать и на вечернем заседании, но ему было отказано со ссылкой на закон от 13 марта. Нельзя исключать и того, что Бюффе, посвященный в планы противников Тьера, проявил в данном случае деликатность, освободив 76-летнего президента от присутствия на собственной политической казни.

Собравшиеся после обеденного перерыва депутаты не стали медлить. Яркая речь главы государства уже не могла изменить их планов. «Мавр» должен уйти. Таково было убеждение монархического большинства. 360 голосами против 347 собрание выразило недоверие правительству бессменного (с 1871 г.) Дюфора. Фактически это был вотум недоверия самому Тьеру, формальному главе правительства.

Дюфор поспешил к президенту, которого проинформировал об отставке всего состава правительства. Затем он вернулся в парламент и попросил слова, чтобы зачитать обращение Тьера к председателю Национального собрания. Обращение главы государства было предельно кратким: «Имею честь передать Национальному собранию заявление об отставке с возложенных на меня функций Президента Республики. Мне нет нужды добавлять,

²⁷ Записка Орлова от 9 мая 1873 г. Situation après les Élections du 27 Avril [1873] // Там же. Д. 92. Л. 366 об.—367.

²⁸ Орлов — Горчакову, 9 мая 1873 г. // Там же. Д. 91. Л. 23 об.—24.

²⁹ Guiral P. Adolphe Thiers ou De la nécessité en politique. Paris, 1986. P. 485.

что правительство будет выполнять все свои обязанности до тех пор, пока ему на смену не придет новое»³⁰.

Характерно, что свое обращение Тьер подписал как «член Национального собрания». Это могло означать, что он намерен продолжать политическую деятельность в качестве депутата парламента. Тем не менее было ясно, что эпоха Тьера завершилась.

Национальное собрание утвердило отставку президента и немедленно приступило к избранию нового главы государства. Орлеанисты, легитимисты и бонапартисты к тому времени уже сумели договориться, что преемником А. Тьера должен стать маршал Франции П. де Мак-Магон, герцог де Мажента. Другой кандидат на президентский пост, умеренный республиканец Ж. Греви, бывший председатель Национального собрания, всерьез не рассматривался. На состоявшемся вечером 24 мая голосовании Мак-Магон получил 390 голосов. Его соперник ожидаемо проиграл. За Греви проголосовал один (!) депутат³¹.

Политическая драма, свидетелем которой стал князь Орлов, нашла отражение в его развернутой записке, составленной в тот же день вечером 24 мая 1873 г. на имя канцлера Горчакова³². В этой записке Орлов предпринял попытку по горячим следам подвести итог двухлетнему правлению президента Тьера, отметить как его заслуги, так и просчеты.

«Франция нуждалась в реформаторе, а господин Тьер был всего лишь политиком и администратором, причем в стиле Первой Империи и Реставрации, — писал Орлов. — Она (Франция. — П. Ч.) ждала гениального реформатора, а господин Тьер сформировался в рамках английской политической школы, не осознав в должной мере тех огромных сдвигов в положении вещей и в развитии идей, которые были вызваны социальным взрывом 1848 года. Взглядам Тьера была свойственна устаревшая претензия на то, чтобы вернуть нацию во времена Июльской монархии, одновременно предложив ей демократию, всеобщее избирательное право, две уравновешивающие друг друга палаты и другие институты парламентской олигархии времен 1830 года.

В сфере финансов г-н Тьер тоже человек прошлого, не способный предложить что-то новое, найти новые источники наращивания общественного богатства...

Г-н Тьер, несомненно, обладал опытом проведения совещательных Собраний, но при этом он больше осложнял работу [парламента], нежели направлял ее. Он преуспел в парламентских интригах, но ни разу за свою долгую карьеру не обнаружил способности формировать и дисциплинировать [парламентское] большинство; у него был слишком подвижный ум, подверженный к тому же всевозможным прихотям...

Досрочное освобождение территории [Франции] навсегда останется великой исторической заслугой бывшего президента Республики. Однако, при всей неоспоримости этой заслуги, она могла лишь отсрочить его падение, но не могла компенсировать его многочисленных ошибок, полумер и фатальной самоуспокоенности, с которыми он отстаивал прерогативы исполнительной власти. Г-н Тьер не слушал никого, кроме своей камарильи, чем вызывал всеобщее недовольство, все более изолируя себя от тех, кто мог бы быть ему действительно полезным в его политике.

После провала неудачной попытки графа де Ремюза (стать депутатом Национального собрания. — П. Ч.) власть Тьера быстро слабела, и едва он попытался переформировать свой кабинет, как голосование 24 мая свергло его...

Сегодня его сплотившиеся противники желают, чтобы бывший президент республики вышел из состава Собрания; им хотелось бы, чтобы он отправился куда-нибудь в заграничное путешествие. Ненавидимый нынешним Собранием и даже собственной девоцентристской (подчеркнуто Орловым. — П. Ч.) партией, г-н Тьер не доставит своим врагам справа и из правого центра (подчеркнуто Орловым. — П. Ч.) удовольствия и не откажется от своего

³⁰ Hanotaux G. Op. cit. P. 295–296.

³¹ Такой необычный результат стал следствием того, что республиканская фракция в Национальном собрании в полном составе бойкотировала голосование с predetermined outcome.

³² Записка Орлова от 24 мая 1873 г. Chute de Monsieur Thiers // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 92. Л. 433–450.

депутатского места... Он останется [в Собрании] “в ожидании событий”». Орлов, скорее всего, имел в виду сохранявшуюся у Тьера надежду на то, что его вновь, как это не раз уже было, призовут к власти.

Однако месяц спустя русский посол изменил свое мнение. «Г-н Тьер мертв физически и морально, — писал он в Петербург. — Он больше не живет, он выживает. Его падение нанесло смертельную рану его самолюбию, от чего он уже не оправится... Да и сам г-н Тьер считает свою политическую карьеру завершенной»³³.

Бывший президент еще пытался проявлять политическую активность, участвуя, когда это позволяло здоровье, в парламентских дебатах, но его слабеющий голос уже не звучал так громко и убедительно, как прежде.

Франция тем временем вступала в новый этап своей истории, когда ей предстояло сделать окончательный выбор между республикой и монархией.

* * *

Изучение дипломатической корреспонденции из посольства России в Париже показывает, что посол князь Орлов и советник посольства Окунев достаточно объективно оценивали происходивший на их глазах процесс отстранения президента Тьера от власти. Столь же объективно и критично они оценивали и действия Тьера, пыгавшегося удержаться на своем посту. Отдавая должное его мужественному решению отказаться от монархических иллюзий и принять неизбежность республиканского выбора для Франции, русские дипломаты в то же время считали, что демонстративный разрыв Тьера с вчерашними «однопартийцами» сделал его уход неизбежным. В любом случае, он полностью исчерпал отведенный ему ресурс времени и не имел шансов оставаться у власти. Тем не менее публичная поддержка президентом Тьером Республики сыграла свою роль в укреплении влияния республиканских ценностей в общественном сознании Франции 1870-х годов.

Библиография / References

Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1985.

Черкасов П.П. Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года – май 1871 года) // Новая и новейшая история. 2023. № 6. С. 77–94. DOI: 10.31857/S013038640028926-6

Черкасов П.П. «Республика господина Тьера» в оценках русских дипломатов (август 1871 – октябрь 1872 года) // Новая и новейшая история. 2024. № 3. С. 78–94. DOI: 10.31857/S0130386424030079

Antyukhina-Moskovchenko V.I. Tret'ya respublika vo Frantsii [The Third Republic in France]. 1870–1918. Moskva, 1985. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Rozhdenie Tret'ei respubliki vo Frantsii glazami russkogo diplomata (sentyabr' 1870 goda – mai 1871 goda) [The Birth of the Third Republic in France Through the Eyes of a Russian Diplomat, September 1870 – May 1871] // Novaya i Noveishaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 6. S. 77–94. DOI: 10.31857/S013038640028926-6 (In Russ.)

Cherkasov P.P. «Respublika gospodina T'era» v otsenkakh russkikh diplomatov (avgust 1871 – oktyabr' 1872 goda) [“Mr. Thiers' Republic” in the Assessments of Russian Diplomats, August 1871 - October 1872] // Novaya i Noveishaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2024. № 3. S. 78–94. DOI: 10.31857/S0130386424030079 (In Russ.)

Azéna J.-P., Winock M. La IIIe République. Paris, 1976.

David R. La Troisième République. Soixante ans de politique et d'histoire. Paris, 1934.

Démier F. La France du XIXe siècle. 1814–1914. Paris, 2000.

Duclert V. La République imaginée. 1870–1914. Paris, 2014.

Hanotaux G. Le Gouvernement de M. Thiers. 1870–1873. Nouv. éd. T. II. Paris, 1925.

Grévy J. La République des opportunistes. 1870–1885. Paris, 1998.

Guiral P. Adolphe Thiers ou De la nécessité en politique. Paris, 1986.

Rémond R. La vie politique en France 1848–1879. Paris, 2005.

³³ Записка Орлова от 20 июня 1873 г. // Там же. Л. 550–552.